

Встреча с Лу Хэ была назначена на выходной, в воскресный день. Чжоу Цзыфэй рвался поехать с Шэнь Цзя, как делал это обычно, но тот категорически воспротивился.

— Я сам справлюсь. К тому же она моя мать — не съест же она меня, в самом деле.

Перед тем как выйти из машины, Шэнь Цзя ещё раз взглянул на Чжоу Цзыфэя, давая понять, что беспокоиться не о чем.

Цзыфэй лишь вздохнул. Он бережно высвободил из-под свитера прядь его волос и невесомо, с невольной нежностью, провёл тыльной стороной ладони по мягкой щеке.

— Ладно. К вечеру похолодает, так что, когда всё закончится, я заберу тебя.

Затем он нагнулся и мимоходом поцеловал Шэнь Цзя в губы, отдав своё тепло его прохладным устам.

— Малыш, не уходи никуда. Жди меня и будь умницей.

Цзыфэй улыбнулся. Его привлекательные, точёные черты в лучах дневного света заставили сердце Шэнь Цзя замирать. Тот поджал губы и, залившись румянцем, словно пытаясь удержать оставленное поцелуем влажное тепло, слегка слизнул его языком. Губы обожгло лёгкой тревогой.

— З-знаю. Всё, я пошёл...

Шэнь Цзя поспешно выскочил из машины, оставив недосказанные слова Чжоу Цзыфэя за захлопнувшейся дверью.

Постояв у входа в кофейню и дав прохладному ветру остудить пылающее лицо, Шэнь Цзя восстановил дыхание и вошёл внутрь.

Но едва он увидел до боли знакомый силуэт со спины, лёгкость, подаренная Чжоу Цзыфэем, вмиг улетучилась. Сердце камнем рухнуло куда-то в желудок, вызвав подступающую к горлу тошноту.

Волнение. Волнение было сокрушительным.

Целый ком противоречивых чувств — надежда, боль, обида и глухая ярость — разом захлестнул его при виде Лу Хэ.

— Цзяцзя...

Материнское чутьё или незримая связь — Лу Хэ обернулась ещё до того, как он успел подойти.

Слово «мама» застряло у Шэнь Цзя в горле. Он так и не смог вытолкнуть его, лишь неопределённо буркнул «угу» и опустил голову, садясь напротив.

Лу Хэ пристально вглядывалась в сына. Видя, что тот упорно избегает её взгляда, она перевела взор на его руки, лежащие на столе.

Тонкие, хрупкие пальцы, выпирающие косточки запястий, бледная кожа, сквозь которую просвечивали тонкие синеватые вены.

Слишком худой.

У неё снова защемило в глазах.

— Цзяцзя... После нашей прошлой встречи тебе стало лучше?

Лу Хэ пододвинула к нему чашку с горячим молоком и спросила с искренней тревогой:

— Как давно с тобой это происходит? Ты ходил к врачу? Может, мне сходить с тобой в больницу завтра?

Шэнь Цзя обнял пальцами тёплый фарфор, но пить не стал. На расспросы матери он лишь качнул головой и тихо ответил:

— Такого давно не было. Ничего страшного, в больницу не нужно.

Лу Хэ заколебалась, но развивать тему не стала.

Они слишком долго жили врозь. Рассматривая взрослого сына, она на мгновение поймала себя на мысли, что он кажется ей чужим.

Невольно накатила растерянность: неужели это тот самый малыш, который когда-то смотрел на неё снизу вверх доверчивыми глазами, улыбался и не отходил ни на шаг?

Казалось, за прошедшие годы Шэнь Цзя превратился в совершенно другого человека.

«Нужно просто проводить с ним больше времени, и мы снова станем близки», — поддержала

она себя.

Собралась с духом и продолжила:

— Цзяцзя, переезжай ко мне на некоторое время. Я живу совсем рядом, будешь чувствовать себя как дома.

Шэнь Цзя поднял глаза. Его голос звучал преувеличенно ровно:

— Я не стану жить под одной крышей с Чэнь Лэканом.

Он бросил на неё лишь короткий взгляд и снова отвернулся. Но вспыхнувшее в его глазах отторжение не укрылось от Лу Хэ, вонзившись в её сердце острой иглой.

— Цзяцзя, но ведь он твой...

— Я его ненавижу.

Лицо Шэнь Цзя напомнило бледный, тронутый инеем нефрит. Он не скрывал своего глубокого отвращения к Чэнь Лэкану.

Лу Хэ опешила от этой холодной враждебности, краска сбежала с её лица. Ей вспомнился тот внезапный, беспричинный удар, который Шэнь Цзя нанёс Лэкану в их прошлую встречу.

Она подалась вперёд, почти умоляюще произнесла:

— Он твой младший брат. В ваших жилах течёт одна кровь, Цзяцзя... Неужели ты не можешь принять его как члена семьи?

— Не держи на него зла. Да, в прошлом я поступила неправильно, но прошу тебя, не переноси свою обиду на него. Постарайтесь поладить, хорошо?

Голова Шэнь Цзя пошла кругом.

Ощущение было такое, будто он проглотил ложку дешёвого, прогорклого маргарина — в горле остался тошнотворный, жирный осадок.

Вся эта забота и ласковые слова, оказывается, были лишь прелюдией, подготовкой к тому, чтобы примирить его с Чэнь Лэканом.

В этом не было ничего странного. В конце концов, Лу Хэ была матерью не только Шэнь Цзя, но и Чэнь Лэкана.

И всё же Шэнь Цзя почувствовал, будто его бросают снова. Его чувствами и болью опять пренебрегли.

— Мама... Ты хоть раз вспомнила обо мне за эти годы? Ты... всё ещё любишь меня? — хрипло спросил Шэнь Цзя.

Его рука под столом судорожно сжалась, ногти вонзились в ладонь, оставляя багровые отметины.

Лу Хэ широко раскрыла глаза от изумления и тут же воскликнула:

— Как я могла не думать о тебе?! Ты же мой ребёнок, я ни на день не забывала о тебе! И сейчас... сейчас я всё так же люблю тебя!

Её голос сорвался на визг от излишней пылкости, а по щекам покатались слёзы, падая на столешницу.

И всё же любовь — не панацея.

Шэнь Цзя знал, что мать любит его. Как-никак, она выносила и вырастила его.

Но одного осознания было мало. Это не могло даровать душевный покой.

Каждый раз, когда в эти дни он пытался принять Лу Хэ, в его памяти всплывал образ одинокого одиннадцатилетнего мальчика, забившегося в угол и заливающегося слезами.

Маленький Шэнь Цзя из прошлого, для которого рухнул весь мир, молча и с глубокой обидой смотрел на него сквозь призму прошедших лет.

Если бы любовь могла исцелять любые раны, Шэнь Цзя не подал бы на развод, когда узнал о повторной измене Юй Сянхана.

Вот и сейчас он не мог простить Лу Хэ за то, что она бросила его и сбежала, спасая собственную шкуру.

Любовь не способна стереть всё.

Боль и предательство никуда не исчезают.

Шэнь Цзя медленно поднял голову, всматриваясь в лицо Лу Хэ, покрытое морщинами, которых не было в его воспоминаниях.

В носу защипало, глаза обожгло слезами. Он вспомнил, как ласково мать гладила его по лбу, как закрывала своей хрупкой спиной от пьяного Шэнь Цяньлуна, вспомнил, какими обжигающими были её слёзы перед уходом.

Это его мама.

Они — семья.

Он любит её, и верит, что она любит его тоже.

Но...

Шэнь Цзя отчеканил чётко и бесповоротно:

— Я не поеду к тебе. Это не мой дом.

Эти слова упали тяжёлым валуном в тишину. В душах обоих поднялась буря, но снаружи установилось гробовое молчание.

Наконец Лу Хэ протянула руку и накрыла своей ладонью тыльную сторону кисти Шэнь Цзя. Её ладонь была липкой и ледяной, словно кусок льда.

Бледная как полотно, с дрожащими губами, она прошептала:

— Цзяцзя... Я больше тебе не нужна?

На мгновение Шэнь Цзя растерялся.

Он опустил ресницы, глядя на их соприкоснувшиеся руки. Прикосновение матери казалось невероятно чужим, непривычным.

— Я... я не знаю...

Шэнь Цзя шевельнул пальцами, замялся, но руку выдёргивать не стал. Напускная колкость снова сменилась мягкостью.

Он действительно не понимал, что чувствует.

Ему не хотелось жить вместе с Лу Хэ, но в то же время он больно ранился бы, если бы она снова исчезла из его жизни, став абсолютно равнодушной.

Он так нелепо, по-детски пытался выразить свою обиду, словно капризный ребёнок, привлекающий внимание. Вот только ему уже тридцать два года.

Тридцать два.

Упущенную за эти годы любовь уже не вернуть.

И никакими попытками загладить вину этого не исправить.

Лу Хэ сначала обомлела, но затем её губы тронула улыбка. В уголках её глаз — точно таких же, как у сына, — собрались лучики морщинок, блеснули слезинки.

— Не знаешь... Не знаешь — и ладно. Отложим всё остальное. Позволь мне просто быть рядом, хорошо? В этот раз я тебя не брошу.

— Где ты сейчас работаешь? Где живёшь? Можно я буду приходить по выходным и готовить тебе? Помнишь, как раньше...

Лу Хэ крепче сжала его руку и сбивчиво заговорила. Шэнь Цзя же сидел неподвижно, замкнувшись в себе.

Ему всё ещё было не по себе.

Родные люди по крови, а простые рукопожатия вызывают неловкость.

В конце концов Шэнь Цзя первым высвободил руку. В оставшееся время он почти молчал. Лу Хэ чувствовала его отстранённость, но не решалась закончить разговор первой.

В этот момент снаружи налетел резкий порыв ветра, отчего зазвенели оконные стёкла.

Шэнь Цзя повернул голову к окну.

Жёлтые листья кружились в воздухе, падая на мостовую. Прохожие кутались в пальто и сгибались, спасаясь от ледяного порыва, ускоряли шаг.

«К вечеру похолодает, так что, когда всё закончится, я заберу тебя».

«Малыш, не уходи никуда. Жди меня и будь умницей».

В памяти снова всплыл улыбающийся Чжоу Цзыфэй перед его уходом из машины.

Погасший было взгляд Шэнь Цзя постепенно ожил. Он посмотрел на всё ещё говорившую мать и тихо перебил её:

— На улице сильно похолодало. Возвращайся домой, продолжим в следующий раз.

Эта неожиданная забота и мягкий тон заставили глаза Лу Хэ вспыхнуть радостью.

— Хорошо, Цзяцзя. До следующей встречи, я буду ждать твоего звонка.

Они попрощались у дверей кофейни. На прощание Лу Хэ снова расплакалась, вымаливая прощение. Шэнь Цзя молча слушал её, но всё же обнял её за плечи, слегка похлопал по спине и тут же отстранился.

Он остался стоять на месте, провожая взглядом уходящую мать, пока её силуэт не скрылся из виду.

Затем Шэнь Цзя поднял глаза к небу. Из-за надвигающихся холодов солнце спешило за горизонт, не желая задерживаться ни на мгновение.

Когда последние лучи угасли и вокруг сгустились сумерки, на Шэнь Цзя накатила тоска.

Но вдруг совсем рядом раздался знакомый голос:

— Эй...

Чья-то ладонь нежно погладила его по макушке, и в ту же секунду вспыхнул жёлтый свет уличных фонарей. Шэнь Цзя обернулся — подле него стоял Чжоу Цзыфэй.

Высокая фигура мужчины купалась в мягком золотистом свете фонаря, отчего тот казался невероятно тёплым и родным.

Осенний вечерний ветер обжигал холодом. На Шэнь Цзя был плотный молочно-белый свитер, но круглый вырез оставлял открытой изящную белую шею.

— Хотел перед выходом сказать, чтобы ты надел шарф, но Учитель Шэнь так быстро убежал, — проговорил Цзыфэй, держа на локте бежевый кашемировый шарф.

С этими словами он поднял руки и заботливо обернул шарф вокруг шеи Шэнь Цзя.

— Дай-ка руку, небось замёрз совсем?

Шэнь Цзя молча сделал шаг ближе и протянул ладонь.

Пальцы были ледяными. Чжоу Цзыфэй нахмурился, потянул его за руку к себе и засунул его ладонь в свой глубокий карман.

— Какая холодная... Держи здесь.

Пока Цзыфэй шёл сюда, он держал руки в карманах пальто, поэтому там сохранилось уютное тепло.

Ладонь Шэнь Цзя мгновенно согрелась. Ткань подкладки была мягкой и плотной, и он невольно сжал пальцы внутри, будто Цзыфэй крепко держал его за руку.

— Как поговорили? — тихо спросил Цзыфэй, поправляя шарф и мягким жестом показывая, чтобы Шэнь Цзя слегка приподнял подбородок.

— Да так... Сказала, чтобы я относился к этому как к появлению младшего брата. Ещё одного члена семьи.

Шэнь Цзя приподнял подбородок. С его губ при разговоре слетал лёгкий пар, затуманивая опущенные глаза. Цзыфэй не мог разглядеть его взгляд, но точно знал: Шэнь Цзя паршиво.

Брошенный матерью на двадцать лет, он теперь должен был принять сына женщины, разрушившей его семью — парня, получившего всю ту материнскую любовь, которой сам Шэнь Цзя был лишён.

Рука Чжоу Цзыфэя замерла. Он пальцами коснулся уголка глаза Шэнь Цзя. Там не было слёз, но сердце Цзыфэя сжалось от боли сильнее, чем если бы тот рыдал навзрыд.

— Малыш... не слушай её, — шепнул он.

Он наклонился и прикоснулся своим лбом к его лбу. Из-за статического электричества красные пряди Цзыфэя переплелись с тёмными волосами Шэнь Цзя, соединяя их в неразрывное целое.

— Почему?

Шэнь Цзя дрогнул ресницами и, хотя хотел поднять взгляд, смущённо отвёл глаза.

Цзыфэй гладил его по волосам, пропускал шелковистые пряди сквозь пальцы.

Волосы у Шэнь Цзя были мягкие, струящиеся, как вода. Сам он был точно таким же — уступчивым, беззащитным, без единого острого уголка.

— Учитель Шэнь, попробуй стать немного эгоистом, а?

— Слушай только себя.

Цзыфэй притянул его к себе и крепко обнял. Даже сквозь толстый свитер худые, хрупкие лопатки Шэнь Цзя ощущались слишком отчётливо — за эти несколько недель он снова сильно исхудал.

Уткнувшись носом в тёплую грудь Цзыфэя и вдохнув едва уловимый парфюм, Шэнь Цзя не удержался и тихонько втянул воздух.

— Угу.

На самом деле поступить так, как просит Цзыфэй, для Шэнь Цзя было невероятно сложно.

Но объятия были такими тёплыми, а родной запах так расслаблял туго натянутые нервы, что Шэнь Цзя был готов согласиться с чем угодно.

Он зажмурился в его руках, засыпая на ходу, как вдруг Цзыфэй разжал объятия.

— Ну-ка, подними головку. Муж завяжет тебе шарф.

Цзыфэй усмехнулся, а Шэнь Цзя мгновенно стряхнул сонливость. Лицо его вспыхнуло, он пробормотал:

— Опять глупости говоришь...

И всё же его взгляд снова устремился на Цзыфэя: густые брови, внимательные глаза, прямой размах носа... И вдруг Шэнь Цзя тихо, почти бессознательно, проронил:

— На самом деле мне не нужен брат.

— А кто тебе нужен?

Цзыфэй потянул за концы шарфа, расправил воротник и поглядел на послушно поднявшего лицо Шэнь Цзя.

Тот невольно сжал кулак в кармане пальто Цзыфэя и уткнулся носом в шарф, спрятав нижнюю половину лица. Лишь спустя паузу глухо выдавил:

— Хочу... старшего брата.

«Хочу такого брата, как ты... Который спрячет мои руки в тёплый карман, завяжет шарф в мороз, выслушает и так заботливо обо мне позаботится».

Эти мысли пронеслись в голове Шэнь Цзя, заставив щёки пылать ещё сильнее.

Сказать парню, который младше тебя на десять лет, что хочешь видеть в нём старшего брата... Это же уму непостижимо! Стыд-то какой.

— Старшего брата хочешь, значит? — хмыкнул Цзыфэй.

Он согнул указательный палец и шутливо задел длинные ресницы Шэнь Цзя, а затем огляделся по сторонам, за руку увлекая его в пустынный переулок.

— Ты... ты чего?

Шэнь Цзя испуганно ойкнул, но Цзыфэй, едва они шагнули в тень подворотни, залез ладонью прямо ему под свитер. И возмущение Шэнь Цзя моментально превратилось в нежное, капризное мурлыканье.

Тёплая, слегка шершавая от мозолей ладонь медленно поползла от поясницы к животу, сжав мягкую кожу чуть выше пупка.

Цзыфэй действовал бережно. Распахнув своё пальто, он укрыл его от ветра, оставив лишь узкую щель.

— И какого же брата ты хочешь?

— Расскажи мне.

Шэнь Цзя сладко задрожал в талии. Щёки налились пунцовым румянцем, он обхватил запястье Цзыфэя обеими руками, пытаясь вытащить его руку.

— Ты... да как я скажу, когда ты так делаешь...

Цзыфэй наклонился, прижавшись губами к переносице Шэнь Цзя, ощущая под кожей твёрдую косточку:

— Как «так»?

Он влажно поцеловал его. Шэнь Цзя попытался отстраниться, но Цзыфэй мягко, но уверенно придерживал его за затылок, лишая малейшего желания сопротивляться.

— Малыш, признайся, ты ведь только что думал, что хочешь такого брата, как я?

Широкая ладонь поглаживала животик, вызывая щекотку. Шэнь Цзя инстинктивно втянул живот, на лбу выступили капельки пота.

— Н-нет... Ты плохой! Не хочу я такого брата...

Шэнь Цзя искусал губы до алых отметин и влажного блеска.

Взгляд Цзыфэя мгновенно потемнел. Он сильнее сжал объятия, прижимая его вплотную к себе.

— Правда не хочешь?

Низкий, бархатный голос над самой макушкой заставил Шэнь Цзя подняться взглядом и столкнуться с лицом Цзыфэя, склонявшимся к нему.

Губы приближались, горячее дыхание переплеталось. Шэнь Цзя вспыхнул ещё ярче и умоляюще высунул кончик языка, не заметив хитринки в уголках губ Цзыфэя.

В последний миг Цзыфэй чуть повернул голову, и поцелуй пришёлся не в губы, а в горячую мочку уха.

— М-м-м...

Не получив желанной ласки, Шэнь Цзя сжал пальцами ткань на груди Цзыфэя, в его глазах блеснули слёзы.

— Ты же сам сказал, что не хочешь? — с лёгким смешком переспросил тот.

Шэнь Цзя обиженно сжал губы. Чувства разгорелись вовсю, и он выпалил без раздумий:

— Хочу!

— Чего ты хочешь? — снова подразнил его этот негодяй.

— Поцелуй меня...

Шэнь Цзя приподнялся на цыпочках и потянул его за воротник на себя.

— А кое-что ты сказать не забыл?

Цзыфэй задрал подбородок, не давая ему дотянуться.

— Цзыфэй... поцелуй меня...

Шэнь Цзя был уже не в силах терпеть. Глаза его неотрывно следили за губами Цзыфэя, уголки глаз алели ярким румянцем.

— Назови меня правильно.

Большой палец Цзыфэя надавил на алые, пылающие губы Шэнь Цзя, поглаживая их.

Шэнь Цзя тяжело задышал и приоткрыл рот, норовя поймать губами его палец.

— Малыш, если не назовёшь, я тебя не поцелую...

Цзыфэй переместил палец к уголку его рта, давая чёткую указку.

— Братик... поцелуй меня. Пожалуйста, поцелуй скорее...

И Шэнь Цзя получил свой страстный, долгожданный поцелуй.

От зубов до нёба, от спинки языка до самого кончика — «братик» позаботился о нём по-настоящему усердно.